

голашу, яко законодавецъ нашъ первыи отъ мѣртвыхъ вѣста, и многы исцѣления и хитрости показаше. Ови же мняху, яко отъ бога посланъ есть». ¹³² По поводу этого повествования уместно заметить, что в эсхатологии кумранской общины существовало убеждение в будущем воскресении легендарного основателя их секты, «учителя справедливости». ¹³³ Таким образом, напрашивается вывод, что эти слова нельзя признавать простой выдумкой интерполятора, кто бы он ни был: раннехристианский ли богослов, древнерусский ли книжник, переводивший в XI в. «Историю Иудейской войны». Какая именно связь могла бы существовать между произведениями кумранских сектантов и «добавлениями» в древнерусском тексте, мы пока не имеем возможности установить.

Все приведенное еще раз показывает, насколько осмотрительно следует подходить к решению вопроса об отношении древних славянских переводов к их архетипам и как много еще неизведанного сулит исследователям внимательное его изучение.

6

Перейдем к вопросу об изучении мастерства древних славяно-русских переводчиков. Об этом мы уже неоднократно имели случай печатно высказываться за последние годы. Поэтому ограничимся здесь лишь немногими новыми нашими наблюдениями.

Уже давно принято делить все произведения переводной книжности по характеру их языка и по их отношению к переводимому оригиналу на два типа. К первому принадлежат памятники канонического и литургического значения, при переводе которых переводчики стремились возможно точнее передать не только содержание, но и все языковые подробности оригинала.

Известный исследователь старославянской переводной письменности Ф. Пастрнек почти 60 лет назад писал, имея в виду древнейшие переводные памятники этого типа: «Первые славянские переводы библейских текстов свидетельствуют все же о совершенно выдающемся таланте переводчиков. Эти переводы дословны и точны, как это только возможно. Такой подход переводчика оправдан, поскольку он имел дело „со священным писанием“, „со словом божьим“. Однако при этом проступает настойчивое стремление не допускать насилия над языком. Отсюда вытекает известная формальная самостоятельность, благодаря которой легко отличить древнейшие церковнославянские тексты от позднейших, зачастую показывающих свою рабскую зависимость от подлинника». ¹³⁴ Этот восторженный отзыв о таланте первых славянских переводчиков поддерживали, за исключением отдельных скептиков, каким, например, был проф. Н. К. Грунский, многие исследователи старославянского языка как прошлого, так и нашей современности. Действительно, полная дословность перевода, не превращающаяся нигде в механический буквализм, верность в передаче переводимого оригинала, нигде не доходящая до насилия над моделями своего родного языка, — вот те черты, которые могут быть признаны ведущими при характеристике стилистических приемов древнейших славяно-русских

¹³² Там же, стр. 259.

¹³³ См. по этому поводу статью И. Д. Амузина «„Учитель праведности“ кумранской общины» (Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. VII, М.—Л., 1964, стр. 253—277).

¹³⁴ Цитирую по статье Я. Байера (Vliv řečtiny a latiny u vyvoji syntaktické slovanských jazyků. Československé přednasky, стр. 76).